

Прочие Европы

Нидерланды

Теперь отвлечёмся на некоторое время от Германии и посмотрим, как же обстояли дела с принципом по restraint в других странах Европы (про Англию как законодательницу этой моды вы уже в курсе).

В Нидерландах этим вопросом плотно занимался профессор Якоб Шредер ван дер Кольк (родился 14 апреля 1797 года в Леувардене, умер 1 мая 1862 года в Утрехте). Строго говоря, по большей части Шредер ван дер Кольк занимался анатомией и физиологией (собственно, в Утрехтском университете он их и преподавал), но опыт врача тоже имел богатый. Более всего он интересовался патологической анатомией эпилепсии и психических болезней, и его работы дали современникам немало нового в области устройства продолговатого и спинного мозга на микроскопическом уровне, а также в области исследования кровоснабжения головного мозга и тех нарушений этого кровоснабжения, которые происходят при психозах.

Этот самый Якоб Шредер ван дер Кольк, будучи впечатлен тем, как Пинель и Эскироль организовали работу Бисетра и Сальпетриера, не раз обращал внимание коллег, насколько отстали Нидерланды в этом отношении от Франции. И в 1842 году инициатива поимела инициатора: Якоба назначили инспектором нидерландских психиатрических больниц. И кое-что для улучшения быта душевнобольных ему даже удалось сделать. А главное — вдохновить и других коллег: в 1850 году по инициативе докторов ван Цейтена и Эверса в новой больнице Мереенберг на 540 коек был впервые в тех краях применен опыт по restraint. Правда, экстраполировать его на другие сумасшедшие дома страны удалось сильно позже, где-то в период с 1869 по 1874 годы.

Швейцария, Италия, Дания

В Швейцарии всё произошло истинно по-швейцарски. Доктора присмотрелись к опыту соседей, что-то там себе в уме посчитали — и в 1868 году на съезде швейцарских психиатров в Рейнау, заслушав доклад товарища... простите, герра Крамера, единогласно проголосовали за то, чтобы убрать из своих психиатрических больниц все смирительные рубашки, камзолы, стулья, кровати и прочие средства иммобилизации душевнобольных. Совсем. Навсегда.

В солнечной Италии, помня о заслугах своего знаменитого (в специализированных кругах, естественно) соотечественника Киаруджи, доктор Пиетро Пизани организовал в сумасшедшем доме в Палермо свободный режим. Ну почти свободный. Но не был понят коллегам и властями, и хотя формально все согласились, что, мол, да, опыт любопытный, но стоило Пизани отойти от дел, как благое начинание заглохло. И ситуация с психиатрическими учреждениями в стране ещё долго оставалась, мягко говоря, печальной.

Датчане с принципами нестеснения спешить не стали и впервые решились пойти на такие смелые меры лишь в 1882 году, по инициативе доктора Губерта.

Шотландия

В Шотландии, имея пример работы системы нестеснения буквально по соседству и в авторском, так сказать, исполнении, некоторые из докторов решили оказаться вообще впереди планеты всей.

В первую очередь тут стоит вспомнить про сэра Джона Бэтти Тьюка. Что, фамилия знакомая? Ну да, поговаривают о том, что тот самый Уильям Тьюк, основатель «Йоркского убежища», приходится шотландским Тьюкам родственником. Дальним. Но родственником. И добавляют: «Ну вы понимаете теперь, почему всё так получилось? Как?» А вот как.

Джон Бэтти Тьюк, сын (что примечательно) Джона Бэтти Тьюка, родился в Йоркширском Беверли 9 января 1835 года. Десятилетним мальчишкой он отправляется по инициативе отца (а иди-ка ты в люди, Джон) в Эдинбург, в пансион, который через 6 лет заканчивает с отличными оценками по истории и по чтению. Ещё 6 лет юный Джон посвящает врачебному искусству в Медицинской школе Эдинбургского университета, которую заканчивает в 1856 году, защитив диссертацию «Об идиотизме».

Затем, подтвердив квалификацию в Королевской коллегии врачей Эдинбурга, Бэтти Тьюк (так его теперь всё чаще зовут) отправляется работать военврачом в Новую Зеландию, где в этот период всюду идут Новозеландские земельные войны. Оттрубив на войне 7 лет, в 1863 году Бэтти Тьюк возвращается в Эдинбург и устраивается ассистентом в Королевскую больницу. Там он, по совету доктора Дэвида Скае и под его патронажем, занимается изучением психиатрии и пишет несколько статей на тему послеродового психоза.

В свободное плаванье Бэтти Тьюк отправляется через два года: в 1865 году емуверяют недавно отстроенную в округе Файф-энд-Кинросс больницу (ныне больница Стратеден). Будучи знаком как с организацией быта в «Йоркском убежище», так и с трудами Джона Конолли, Бэтти Тьюк, по словам Сергея Сергеевича Корсакова,

«...Противник полумер и потому решил расширить свой по restraint тем, что почти изгнал замки и решетки из своего заведения и отпускает больных на честное слово. Для 95 % это вполне безопасно. У него был один побег за 4 месяца, но он считает это несущественным в сравнении с пользой, которую такая свобода приносит».

Систему эту стали называть «система открытых дверей». Корсаков также рассказывает о впечатлениях комиссии по душевным болезням, которая посетила больницу:

«Когда преграды для больных были удалены, служитель не мог уже более полагаться на них в случае беспокойства или недовольства больного, и должен был постоянно находиться настороже.

Нужно было, в собственных интересах, поддерживать в больном довольное настроение, стараясь занять его тем или иным путем и дать исход его энергии, отвлечь его ум от мысли о бегстве. Естественно, что при этих условиях отношения служителя к больному должны были принять иной характер. Препятствие тюремный надсмотрщик превратился в товарища.

Опыт показал, что система контроля применима к содержанию несравненно большего числа больных, чем можно было предполагать а priori. Отсутствие замков уменьшает у многих желание бежать.

Кроме того, система открытых дверей дает хорошие результаты в других отношениях; один из них то, что устранение стеснения заставило врачей внимательней изучать каждого вверенного им больного, чтобы знать, при каких условиях он приходит в возбуждение, и иметь возможность устранить эти условия».

В 1873 году Бэтти Тьюк возвращается в Эдинбург: его ждёт частная практика на Шарлотт-сквер и должность заведующего частным приютом для душевнобольных Сотон Холл — где, между прочим, «система открытых дверей» также вводится в обиход.

Годом позже он начинает читать лекции в Эдинбургском университете: об истерии и сумасшествии в целом, о мозге и его функциях — словом, продвигает психиатрию в массы. В 1898 году, в качестве признания заслуг в области медицины и психиатрии, в частности, его посвящают в рыцари, а в 1900 году на 10 лет избирают в Парламент Соединенного Королевства Великобритании — и заниматься психиатрией Джону становится некогда. Но дело уже поставлено: в 1885 году Альфред Фовилль, основатель французского статистико-географического института, посещает психиатрические больницы Шотландии и пишет:

«Заведения эти снаружи имеют симпатичный вид: это дома, окруженные садами, более похожие на замки частных владельцев, чем на заведения для умалишенных. Внутри никаких разделений между дворами и садами нет, везде полный простор, существует только наружная стена, да и та скрыта растениями. Многочисленные двери позволяют свободно входить в жилища больных, двери днем не заперты. Несмотря на это, порядок в заведении чрезвычайный, так как вместо материальных преград для проявления вредных стремлений больных, им ставят преграды нравственные, в форме постоянного отвлечения внимания на занятия и постоянного надзора опытных служащих».